

В этом году Толику исполнился бы полтинник. Какие первые мысли пришли тебе в голову, когда ты услышал эту новость?

Ты знаешь, дата эта если бы и случилась при живом Толике, то это была бы случайность. Потому что человек всегда говорил, что я не доживу. Типа, я такой, второй Высоцкий. Доживать до 50-летия у него точно не было планов. К сожалению, но это так. Отсюда и весь этот образ жизни.

То есть, он какие-то мистические нотки проглядывал?

Да тут ничего мистического и нет. Потому что сам себя он не мог остановить.

И не хотел?

И не хотел.

Получается, что твоя точка зрения стоит особняком, в отличие от других. Поскольку все говорят, начиная от близких людей до А. Юрасова и Гарика Сукачева, что он якобы боролся со своими пагубными привычками.

Курил очень много.

Ты говоришь, он не хотел бороться. Они говорят, что хотел бороться, лечился в больнице лежал.

Ты знаешь, все эти лечения в большей степени не его заслуга, а тех же Юрасова, Алины и остальных людей, которые просто каким-то образом заставляли его туда ложиться. Конечно, он все понимал. Ведь никто не хочет раньше времени сыграть в ящик. Да, может быть, он даже был и не против полежать, дабы немного прийти в форму.

Опять же, все песни были написаны в период ремиссий. Я не знаю ни одной песни, которая была бы написана в так называемом угаре. Во всяком случае, при мне и немножко позже, все по трезвяку. У него был блокнотик, в который он записывал идеи и фразы, все, что в голову падало. Но доводил до кондиции он свои идеи только тогда, когда у него было время полежать или отдохнуть.

Давай вспомним, как ты с ним познакомился. Я так понимаю, это был переломный момент у нас в стране. Ужасные годы.

Это был, наверное, 90-й год. Может чуть пораньше.

То есть, ты с ним познакомился даже раньше, чем он взял тебя в команду?

Дело в том, что у меня было некоторое количество друзей, которые с ним общались, угорали в том числе. И я прекрасно был осведомлен о том, что происходит в этой группе, на тот момент, когда можно было пойти играть в «Обелиск». То есть, я готовился к этому.

Он еще в «Шахе» работал?

Он вернулся из «Шаха» как раз. В «Обелиске» играл Вася Билошицкий. Поскольку я знал, что у них были определенные разногласия, то понимал прекрасно, что Вася уйдет и это всего лишь вопрос времени.

Я познакомился с Юрасовым раньше, чем попал в группу и мы с ним даже пытались какой-то проект сделать музыкальный, в том числе и с Булгаковым.

Это тот, который из «Легиона»?

Да.

Но вы тоже хотели работать в таком же духе, как и «Обелиск»?

Нет, это было спонтанное решение. Мы как-то даже собрались на репетиционной базе и что-то поиграли. Поговорили, но не пришли к консенсусу и ничего не стали делать. Потому что Булгаков хотел петь высоким голосом, что он потом и сделал. Какой-то у него был дикий проект, где всё жужжало, и он там пищал. Нет, мы с Юрасовым поняли, что не хотим такого (смеется).

И тут уже как раз подступал тот самый момент, и я сел активно заниматься.

А тебе Юрасов как сказал? Вот, готовься, будет такой момент?

Да. И я прекрасно знал, что он будет.

Вроде писали «Еще один день» без тебя, с Егором Жирновым. Но в тот момент, когда писали, тебе уже сказали, чтобы ты готовился?

Нет, это было еще раньше. До «Еще одного дня». Была репетиция, когда меня и Жирного Толик вызвал на прослушивание. Это было лето 90-го. Мы приехали, поиграли.

Причем, Юрасов говорил, учи, занимайся. И я учил все эти песни, трешнячки, рифы. А Толик меня озадачил тем, что на прослушивании вдруг спросил, могу ли я сыграть «Rolling Stones»? Меня прямо замкнуло. Я и вспомнить не могу, что играют «Rolling Stones».

Ты даже не слушал?

Нет. У меня было пару древнющих пластинок. Но что там играют гитаристы, я не знал. На тот момент мне даже в голову ничего не могло прийти, и у меня был полнейший ступор (смеется).

А он хотел играть симбиоз фанка с риффаками.

Что собственно он и воплотил.

Объяснить он мне толком не мог, что хотел, а Жирнов, он все-таки более такой рок-н-рольный человек, подхватил эту тему и влился.

Это и был окончательный выбор. Так-то по идее ты мог бы записать.

Мог бы, если бы не упал в грязь лицом. (смеется)

Не обидно было?

Ну, так, мальчика. То есть, ты готовился к одному, а тебе тут раз и другая задача, противоположная.

В итоге, что он тебе сказал?

Я там, подумаю, посмотрим. Мы съездили на какие-то даже гастроли, не помню куда.

До «Еще одного дня».

Ну, сыграли и сыграли. Но он, видимо, думал взять еще и Егора. Егор поопытней был, с практикой.

А Егор не планировал?

Не очень планировал, не очень-то и старался и с Толиком языка общего не нашел.

Он там еще в «Сектор Газа» играл, насколько я помню?

Да, у него было куча параллельной работы, и Толика это не устраивало. Ну и Жирнову тоже это не очень было надо, потому что рок «поддулся» сильно и концертов стало мало. Ушел он. Нормально они расстались, без выкрутасов. Ну мне и позвонили.

Сам Толик или Юрасов?

Честно говоря, не помню. Я помню зато, как первый раз мы встретились с Толиком.

Самый первый раз?

Да. Это когда мы на прослушивание ездили. Толик с хаером еще, в черной майке, в резиновых джинсах. Пружиночка такая, с энергетикой. Это первое впечатление. А он позвонил или не он, я не помню. По-моему, он позвонил сам.

А потом, уже после выпуска альбома «Еще один день», тебя, собственно, Толик пригласил?

Ну да.

Во-первых, хотел спросить, как тебе партии Билошицкого?

Да нет ничего сложного в них, чудные местами.

Ты бы по-другому их сыграл?

Да, может быть, так. У меня немного другое видение. Толик никогда не настаивал прямо, чтобы было так, как он хочет. У него были пожелания. Если были какие-то разногласия, он говорил типа «А, ладно, делай, как хочешь, тебе жить с этим»!

Короче, ты пришел уже после выпуска «Еще один день». На тот момент атмосфера в коллективе была довольно благоприятная, и как ты влился вообще в плане отношений в коллектив?

На тот момент Алексис был такой, какой он был всегда. Такой он и сейчас. У меня такое ощущение, что он за 30 лет не поменялся вообще никак.

В смысле, он кого-то нового отторгает? Я пытаюсь понять.

Нет. Он как станок. Кнопку нажал – работает. Выключишь – не работает. И ничто его не способно выбить из настроения. Оно у него никогда не было каким-то особо азартным. Не то, чтобы без эмоций, а всегда очень был спокойный, рассудительный. Всегда решалось все без каких-то эмоций. Потому что Вова Ермаков всегда любил покричать, Толик эмоциональный, а Алексис такой стабилизатор. Вова на позитиве был естественно, потому что должен был винил выйти. Тем более для человека, который 16 лет назад приехал в Москву из глубинки. Для него это было прямо большое такое событие в жизни, и он очень много усилий прикладывал для того, чтобы все это двигалось.

Но были уже кое-какие проблемки. Толик на тот момент, как раз когда я попал в коллектив, был в очередной завязке.

Это сказывалось и на настроении?

И на настроении тоже. Пару месяцев он не пил, но при мне он начал понемножку, чуть-чуть, пока не развязался совсем. Это не в течение месяца-двух, а полгода-год. Кончилось это уже перед самым распадом.

Понятно.

Вот, ты пришел. Первая официальная репетиция как прошла? У некоторых групп бывают традиции. Когда Джейсона Ньюстеда в Металлику принимали, то они там его в туалет загнали, как-то подшутили над ним.

Нет, нормально. С Вовой я был знаком на тот момент и даже не первый год. Потому что он играл в группе «Стейнлесс» и у нас была общая база. Алексис такой в себе и наименее контактный человек в этом плане.

А как к тебе Алексис отнесся?

Нормальный рабочий коллектив. Было все неплохо. Мне всегда хотелось работать в профессиональном коллективе, который при этом еще и зарабатывает деньги. Я к этому долго готовился.

Перед этим, кстати, был еще выбор пойти в «Мастер» и в «Хэллрейзер».

Я встречался с Большаковым. Они писали Talk of the Devil на тот момент. Поехали на студию SNC, поговорили. Он показал, вот пишем вот такое. Послушал и сказал, извини, Андрюш – это не моё.

Trash не любишь?

Такой оголтелый - нет.

А что тебя именно прельстило в музыке «Обелиска»? Если брать ранние вещи, то там обычный heavy-metal или даже hard-rock.

Да, не самый любимый период. Мне вот интересен был период с выхода магнитоальбома «Стена». Это было в новинку. Достаточно нестандартно все звучало. Мне нравились барабаны, аранжированные решения и “бочки с дырками”. Немножко трешачек прифанкованный.

Был в этом свежак какой-то. Потому что остальные коллективы были кальками с иностранных групп, и ничего своего. Да простят меня «Мастер» и остальные. Тем более английский язык и так далее, мне совершенно не было интересно. А здесь было свое зерно, именно это и привлекало.

А вот рабочий процесс как выглядел?

Было у нас две-три репетиции в неделю. Потом поменьше, когда я уже влился, репетировали только перед концертом. Ничего особенного не было.

У тебя с Толиком какие отношения складывались, держал ли он дистанцию по отношению к тебе?

Как раз наоборот, если ему надо было держать дистанцию, то он делал это ловко. Не подступишься, что называется. Только в тех случаях, когда это действительно надо было, только когда люди нагтели. А в целом нет, был всегда открытым.

А были посиделки какие-нибудь. Ездил ли ты к нему, или он к тебе домой?

Нет. Домой ко мне только дружбаны мои приезжали. А Толик к себе не очень любил приглашать, скорее, он где-то зависал или оставался. Бывало несколько раз на дачу ездили, гуляли. У меня сосед до сих пор его вспоминает.

А так, чтобы вы вдвоем оставались, поболтать о жизни, обо всем.

Да, бывало, разговаривали. В основном посиделки, когда народ «поляжет».

Не помнишь, о чём?

Как и сейчас, жизненные вещи, ничего такого особенного.

Как Толик воспринимал то, что происходило тогда в стране и в мире музыки?

Если брать конец 80-х, то у всех был момент такой немножко эйфории и надежды, что сейчас все развернется и будет еще круче, а вышло все наоборот. И где-то в году 92-93-м было понятно, что все катится в жопу и достаточно быстрыми темпами. Потому что если в 82-м году у меня друзья, собрав группу, уже через месяц выступали в Лужниках, то в 91-92-м году стадионов уже не было. Были какие-то фестивали. Зосимов приглашал артистов и ставил на разогрев, но по городам и весям это были клубы, ДК, в основном.

На тот момент тебя не было, когда под Металлику хотели поставить?

Был.

Это была осень 1991 года, уже перед распадом СССР.

То есть ты уже был тогда в команде и знал, что можешь выступить перед

Металличкой, и, наверное, дико хотелось? Я просто спрашивал Вову, он говорит, что досадно было.

Досадно было, да. Я уже не помню, кто говорил. Толик поехал разговаривать с Зосимовым на предмет подписания каких-то договоров. Ему не понравились условия, и он их не подписал. И Зосимов наверное решил, что «E.S.T» будет перспективнее засунуть туда.

А вы за это Толику предъявляли претензии?

Нет, мы прекрасно понимали, что контракты такие, они суровые. Можно было продать себя на 10 лет вперед и потом горбатиться на дядю и ничего не иметь. Например, была такая группа «Тризна», которая так и сделала. Подписали они с «BIZ Enterprises» контракт, с которого они потом еще 10 лет соскочить не могли. Одним из факторов того, что их закрыли, и являлся контракт, и альбомы, которые им не принадлежат, и так далее. Костя Селезнев очень долго потом от этого всего избавлялся.

Понятно.

В продолжение темы того времени. Я хронику смотрел 91-92 года. Это был пик славы. Но ты привел мне в пример команду, которая после того, как наступили новые времена, разбежалась. А как и за счет чего держался на плаву «Обелиск». Это харизма Толика или заслуга всей команды, твое мнение?

Если в 91-92 году группа собирала стадион, то в 93-94-м уже практически никто не ходил. То есть, были в основном концерты в ДК Горбунова с «E.S.T», где было треть зала, а на периферии никто не приходил.

Как вы выжили?

Вот тут как раз и началась та самая “петрушка” с «Неприкасаемыми» и с «Крупский и сотоварищи». Что Толик на завод пойдет, что ли? Либо ты занимаешься музыкой, либо ты идешь как-то работать.

А вы параллельно уже начали работу над демо«96+415»?

Да, демка такая была в 93-м году. Это еще было не совсем плохо. Потихонечку отрепетировали эти песни, Боря Зосимов предоставил свою студию.

То есть хоть какая-то польза от него была?

Да, он помогал. Несмотря на то, что никаких контрактов не было.

Он сам был заинтересован в Толике?

Да, нравился ему человек. Чем мог помочь, тем и помогал. Хотя, он сделал ставку на другой жанр, клипы и так далее. Нам он этого не предлагал.

Кстати о клипе. Ты помнишь, как снимали «День прошел, а ты все жив»?

Да, конечно.

Как это происходило, расскажи?

Мы собрались, поехали. Было несколько запланированных для съемок мест.

В Москве?

Да, в Москве. Фабрика гробов.

А идею кто подал?

Насчет идеи не могу сказать точно, потому что был человек, который предложил это сделать, были всякие по ходу придумки. Толик сам в гроб залез, его отговаривали. Было много импровизаций по ходу съемок. Нож, кирпич.

А эту идею сделать из вас троих гопников, кто подал? Один с кирпичом, другой с ножом...

Все на ходу. (смеется)

А где снимали?

Не помню, где эта фабрика гробов была.

Где он выходит из переулка.

Да, это как раз там, где была фабрика. Мне понравилось, как они их делают, быстро так. На каждый гроб уходит минут пять, вжик-вжик-вжик, сверху ткань.

Даже в клипе это указано.

Да, практически в реальном времени все показано в клипе. Впечатление странное осталось от этого места. И, второе, это была клиника, то ли зубная, то ли не помню какая. Там, где ему маску одевали. В принципе, и все, снято было в двух местах. Еще идея была такая взять съемки из тура с «Sepultura».

Это уже монтаж был?

Да, их украли у «Sepultura». (смеется)

В тот момент, когда показывали толпу, это играет «Sepultura», а не мы. Оттуда все шоу и свет, потому что на наших командах это все было выключено.

А потом это все стали показывать по «MTV», и всплеск популярности был конкретный.

Да. Это, наверное, был второй пик популярности, собственно Боря его и спонсировал. Что-то еще доснимали мы на камеру. Были ч\б съемки.

И как произошел этот всплеск?

Он был достаточно кратковременный, и позволил продержаться чуть дольше на плаву, относительно других. Потому что у других коллективов “жопа” началась гораздо раньше. Мы, наверное, дольше всех продержались в этом смысле. У нас еще были какие-то концерты, когда остальные вообще перестали куда-либо ездить и выступать.

И, собственно, вы в 93-м году начинаете работу над новым материалом. Толик хотел куда-то уйти?

Нет, это еще был материал, который был без особых компромиссов.

Это ты про «96+415»?

Да, «96», «Я остаюсь»

Потом, впоследствии, все вылилось в альбом «Я остаюсь».

Получается, да.

Вот эти два альбома вы выпустили и перезаписали. Он немножко был в тяжелом саунде, но вы уже хотели двигаться в другую сторону. Что Толик говорил?

Еще надо было записать два альбома, на которые ни времени, ни денег не было. В общем, особо не разгуляешься. Собственно говоря, за две недели надо было сделать все. Записать, свести, и так далее.

Сделали мы эту демку, что-то потом, чуть послушав, переделали и пошли писать. Это было как раз лето. «Я остаюсь» на SNC, и Толик первый раз во время записи поехал в Германию.

А зачем он поехал?

Отдохнуть и подлечиться.

Никому ничего не сказал?

Нет, сказал, что поедет отдохнуть. Это было для нас достаточно неожиданно. Насколько я понял из того, что сказали немецкие врачи, тогда были уже нехорошие предпосылки в отношении здоровья.

Сердечные?

Конкретно ничего не говорил никто, но, наверное, это все-таки было связано с алкоголизмом.

На момент записи он уже развязался окончательно?

Да. Но у него никогда не было стадий таких, когда человек валяется или несуразицу несет. Просто вставал и говорил: - «Я спать!».

У него этот режим очень четко работал. То есть, человека в говнище валяющегося на полу я не помню.

Но на работе это не отражалось?

Естественно, отражалось. Настроение, и все такое.

Вот с этого момента проблемы и начались?

Потихоньку да. Потому что песен новых не было. Только то, что записали, и все на этом. Концертов было мало, клубов еще никто не открыл, а ДК уже не практиковали такие вещи. Но «спасибо» еще во многом “Пауку”, который запугал всю страну своими “коррозийными” шоу. Потому что когда люди слышали слово “металл”, то бабушек и администраторов бросало в дрожь.

И это продолжалось очень долго и кончилось не так давно, когда люди перестали от слова “рок” просто шугаться.

И вот в это время он начал параллельно работать с Гариком?

Да. Мы тогда сидели на репетиционной базе в «ДК МАИ», в соседней комнате сидел Максим Фадеев. У Гарика не было базы на тот момент, и мы с ним делили помещение.

А как Толик вам об этом сказал?

Он сказал, что его пригласили поиграть, мол, вы же понимаете, что мне надо денег заработать. Вы меня поймете? Конечно, поймём, ответили мы. Что ж, иди. Был, конечно, такой момент, что все опасались, что он мог уйти не то, чтобы с концами, а то, что это будет основным его местом работы. С другой стороны, «Обелиск» он не собирался распускать, потому что это все-таки свое, а в «Неприкасаемых» он далеко не первый.

У тебя были подозрения, что Толик впоследствии стилистику «Неприкасаемых» начнет пропихивать в «Обелиск»?

Было. Несмотря на определенные разговоры, что мол я сейчас поеду денег заработать да и только, стали появляться люди, которые говорили Толику, что пора завязывать с металлом. Это не выдуманно мною или Вовой Ермаковым, как некоторые пытаются подать.

Я разговаривал с Юрасовым, который говорил, что Толика было трудно в чем-то переубедить.

Он очень сопротивлялся всему этому давлению извне.

Он действительно хотел, он любил металл как жанр?

Не то чтобы металл, но суровую музыку любил. Нравилось ему это играть, этот посыл и энергетика. Потому что в другом жанре так вывернуться не удастся, а он любил это проделывать. Но было у него немножко гламурное окружение.

От Гарика пришло?

Нет. Это Алина, ее подруги. Его «друзья» такие, знакомые, у которых неплохо все в жизни получилось. Да, кто-то из них сумел и бизнес организовать. Вот они и говорили: «Толик, ну что ты все занимаешься этой хренью...»

Как раз в этот период проходила запись «Стены» и «Черного Обелиска», где вас и обвиняют в том, что вы не так сделали сведение?

Толик как раз под сведение уехал в Германию. И мы остались втроем. Андрюша Иванов - практикант, который в «Моральном Кодексе» много проработал, на тот момент зеленый

пацан с небольшим опытом звукорежиссуры, и мы с Вовой, которые в первый раз в жизни с этим столкнулись. Представь, вот у тебя два альбома и четыре-пять дней на сведение.

В принципе эту историю мне хорошо Вова Ермаков рассказал. Можем опустить. Но с моей точки зрения то, что получилось, это неплохо.

Да. По полночи мы сидели уже просто хихикали. У Толика было пожелание сделать бас вперед. Ну, был бы бас впереди, и что? Да, можно было сделать чуть-чуть по-другому. Это был на тот момент коллектив, в котором Толик был лидером, но не так чтобы себя брать и выпячивать. Бас у него был не очень хорош. Он его купил еще в Германии, когда мы с «Шахом» ездили. «Ibanez-600». Он был без “низа”, такой “картофельный”. Заставить его звучать мог только Толик.

Вернемся к теме гламурных компаний.

Была однажды попытка взять в директора какую-то, если не изменяет память, мадам по кличке «Пчела».

Это было до Юрасова?

Да. Эта сразу начала гнать телегу, что надо с музыкантами подписывать контракт, мол кто они такие и так далее. Типа есть Толик и все остальные.

И что в итоге?

Недели две она этим занималась, жестко “накосячила”, и Толик вежливо отправил ее в отставку. Были еще неоднократные попытки пригласить сторонних людей. Но поскольку всем этим занимался Юрасов, то ему и сказали: «Сань, ты все равно этим занимаешься, так занимайся по полной программе и отвечай за все. Так он директором и стал. Умный, рассудительный человек, почему бы и нет.

В общем, Толика пытали, пытали, и в конце он сдался?

Был такой момент. Порепали, остались поговорить. Решили, что надо что-то делать, куда-то двигаться, потому что металл потихоньку “умирает”. Давайте акустический альбом делать.

То есть, это общее было решение, что от металла нужно уходить?

Не то чтобы надо уходить, а делать его параллельно. Просто с тяжелой программой выступать было негде.

И вы, в принципе, были согласны?

В принципе были согласны, да. Сделать акустический альбом и немного двинуться в эту сторону параллельно с «тяжелюком». И тут началась такая интересная вещь. Оказывается, что в акустике играть-то и нечего. То есть песни написаны так, что переложить их в акустику очень сложно.

Как, «Стену», вроде, в акустике сделали.

Да, это удивительно даже. Вот тут мы как раз и решили, что надо записать и посмотреть. Толика понесло дальше. Он предложил еще сделать каверы. Не знаю, чья это была идея - его или ещё чья-то. Он предложил сделать песни Тото Кутуньо, Челентано и так далее. И тут у нас пошла некая оторопь. А зачем их-то туда вставлять? Я понимаю, если профильные коллективы, но тут уж совсем за гранью. Алексис вообще заточен под риффаки и по большому счету больше ничего не умеет. То есть, полноценного гитариста, могущего играть акустику, из него сложно было представить. И это было первой проблемой. Соответственно, когда мы начали писать этот акустический альбом «Крупский и компания», получилось, что Алексис не при делах. И, поскольку захотелось еще и заработать, мы решили, что под столом запишем «86-88». Грубо говоря, официально мы пишем один альбом, а втихаря мы писали два.

В общем, сели мы писать Soli Адриано Челентано. Я помню Вовино лицо, когда он писал эти песни, ему просто надо было ставить тазик рядом с барабанами, потому что его нещадно воротило от этого всего.

А к тому времени что Алексис сказал?

Он сказал, пускай Митяй запишет. Как раз была сделана «Дорожная» в другой аранжировке, потому что изначально она была совсем скудоумная, на трёх аккордах. Песня Савченко.

Чья песня?

Кости Савченко. Это песня одного из его двух друзей, которые у Толика реально существовали. И её надо было аранжировать, и этим мы занялись.

Алексис как бы в сторонке был?

Алексис писал «86-88» в это же время. Я там записал только сольные партии.

Толик в курсе был, что и эта запись идет, и та?

Конечно, ведь мы все это вместе решали.

Поначалу этот переход был такой аккуратный.

Да, когда мы это задумывали, это было еще лето. Надо начинать куда-то двигаться, хотя не очень хотелось, но все понимали, что надо было что-то делать. Я еще достаточно долго занимался матрешками, торговал на вернисаже в Измайлово. И люди, которые меня узнавали, спрашивали, зачем ты это делаешь. Ну так вот, жизнь такая. (смеется)

Возвращаясь к теме, сели мы писать. У Толика уже начались проблемы. Его корячило каждые полчаса. То его отпустит, то его накроет. То ему хорошо, то ему плохо. Был один эпизод, когда приехала какая-то певица, не помню уже, как ее зовут, и он ей “сел на уши”. И давай заливать, что мы за этот год столько написали альбомов и песен, не счесть. А мы ему, Толик, да ты ох...л! Два года ни одной песни новой нет! Он немножко обиделся тогда. (смеется)

Получилось так, что мы сидели с Вовой в основном в этой студии. Алексис приезжал периодически, но Толику уже было не до этого.

А отношения у них были не очень?

У Толика уже пробегали такие мысли, мол зачем нам Алексис?

А как же дружба?

Ну, дружба дружбой. И как-то возвращаясь со студии, зашел разговор о том, что Алексис “не тянет”, что называется. Надо меняться, а он кроме своих “чёсов” ничего не умеет. Я сказал: «Толик, погоди пока, посмотрим что да как...». В том числе было еще куча претензий у Толика и к Юрасову. Он хотел его даже уволить.

Да ладно. Вот это сенсация!!!! А Юрасова-то за что?

Были какие-то недочеты. Люди ведь ошибаются, может, опыта ему не хватало, а может, Толику показалось что-то. Я Толика уговаривал не делать этого. Я спросил, а кого ты возьмешь? Вот мы сейчас выгоним Юрасова, и кто будет? Толик был в достаточно серьезном кризисе и на почве алкоголя тоже. В общем, остался Юрасов. И начались потихонечку разногласия, закулисные разговоры.

Алексис уже был вне команды?

Алексис еще был. Но всплывали неоднократно разговоры по поводу него. Я неоднократно говорил, чтобы они сказали человеку прямо, если они хотят его уволить.

Это ты обращался к Юрасову?

Да, и к Толику тоже. Но они не знали, как ему сказать, и с этой темы они старались съехать. Когда очередной концерт произошел без Алексиса, ему-таки ничего никто и не сказал.

А сам Алексис не подходил, не спрашивал, что происходит?

Естественно, были разбирательства, он очень обижен был.

То есть он пришел и сказал, что уходит?

Нет, он позвонил. Это уже было под 95-й год.

В итоге, Толик ему, в конце концов, все и высказал?

Нет. Никто не сказал ничего, в том-то и дело, что человека фактически уволили из группы, не сказав ни слова. Вова очень напрягся, потому что это было, мягко говоря, некрасиво. Много было подозрений еще из-за альбомов «Стена» и «Я остаюсь», за которые никто и копейки не получил. Всё как-то потом, потом. Вова вообще в этом смысле параноик. Он всегда начинает за людьми следить, и ему кажется, что здесь явно что-то не чисто.

В итоге денег за эти два альбома вы так и не получили?

Мы поначалу не получили ничего. Все были какие-то обещания, правда, после долгих разговоров какую-то копеечку нам дали. В этом тоже были разногласия, типа мы что-то делаем, а ничего не имеем с этого. Собственно, как и всегда в таких случаях, эти меркантильные вопросы стали портить отношения.

Бытовуха.

Да, началась бытовуха, дележка того, что особо и не поделишь.

Перед тем, как все разбежались, ушел Вова?

Сначала ушел Алексис.

По хроникам, я смотрю, у Толика с Вовой были хорошие отношения.

Да, были хорошие, но Вова мог своей паранойей любые отношения завести в тупик. Более того, он еще и окружающих людей втягивал в эти настроения. У всех начинались подозрения.

Теории заговора?

Да. Наверняка были разговоры Юрасова с Толиком и разговор с Толиком о Юрасове.

А сесть поговорить всем вместе вы могли?

Чтобы в одной комнате? В том-то и дело, что нет. И в этом наверняка была наша ошибка. Но даже если бы мы все сели и поговорили, то скорее мы друг другу не поверили бы.

Последние репетиции как проходили?

Молча, рожей в пол. Толик приходил после «Неприкасаемых» то обкуренный, то пьяный.

Говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Толик говорил что-нибудь?

Он за языком всегда очень хорошо следил, в любом состоянии. Потихонечку-потихонечку вся эта ситуация разрасталась, и добил нас, конечно, альбом «Крупский и компания».

Я знаю, что он никуда и не пошел, и записали его кое-как.

Ну как записали, так записали.

И что Толик сказал?

Там начались разбирательства по поводу гонораров. Я даже не помню первопричину, и в конце концов решили, что надо забирать кассеты и как-то договариваться. Был, скажем так, определенный шантаж.

С чьей стороны?

Я бы сказал, что с нашей стороны. Это я и Алексис. При этом звукорежиссер, который нас писал, поддержал нас.

Но перед тем, как пойти на такой шаг, вы неоднократно с Толиком говорили?

Естественно, были разговоры.

И что Крупнов отвечал?

Получилось так, что Юрасов и Толик были некой администрацией. С Толиком на тот момент сложно было разговаривать, поскольку он был в определенном “неадекват” и сам толком не понимал, чего хотел. А у нас паранойя, потому что Алексиса уволили, ничего не сказав. Это как раз и было спусковым крючком. Мы беспокоились о том, что нас, грубо говоря, “кинут”. У всех началось замешательство.

В итоге как все дальше развивалось?

Толик все меньше и меньше появлялся на студии. У меня с ним были нормальные отношения до последнего момента.

А с Вовой у него уже плохо все было.

С Вовой да. Собачились они часто уже в открытую. Они не могли найти общего языка. Вова пошел в «E.S.T.» играть. Особенно после инцидента с кассетами, которые мы забрали.

А как вы забрали кассеты и что конкретно требовали?

Я уже не помню, чего мы требовали и вообще, чего можно было этим добиться? Крупнов хотел других музыкантов взять, раз мы не хотели писать, как он говорил.

Прямо так и говорил?

Да.

И вы сказали, тогда мы заберем кассеты.

Нет, мы их сначала забрали, а потом сказали.

Как Толик отреагировал на это?

Тут уже всё в разнос пошло.

На повышенных тонах?

Естественно. Более того, к Воле приезжали наши «Ночные Волки» байкеры с разборками. (смеется)

Ушел Вова по собственному желанию. Я остался один.

Он тебе перед уходом что-нибудь сказал?

Сказал, что его достало все, пойду я играть в «E.S.T.».

И остался ты один, как последний из могикан. И что тебе предложил Крупнов?

Давай типа поиграем, найдем музыкантов. Разговоры о том, что Алексиса надо слить, были достаточно давно. Говорил, а давай этого возьмем или этого. Были такие обсуждения.

Вот смотри, ушел Вова и ушел Алексис, но ты приходил на базу, и там сидел Толик, и?

Нет, он там не сидел. У него были «Неприкасаемые». Мы не собирались особо, он предлагал взять на концерт Леху Косорунина.

Ты не предлагал ему вернуть Вову?

Это было бесполезно, и у меня были большие сомнения, потому что Толика рвало на части, а особо никаких идей не было, плюс нарастающие его потребления. Сыграли мы один концерт, после чего мне Юрасов выдает 100 долларов. Говорит, мол, пока так, потому что неизвестно, кто ты в группе. Я удивился.

Вроде, с Толиком вы обсуждали, что ты в группе, и никак иначе...

Да. И я сказал, как решите, кто я в группе, так и звоните. И перед новым 1996 годом звонит Юрасов и спрашивает, буду ли я репетировать? Я спросил, определились ли они с моим статусом? На контракте я или просто лямку тяну или что? Юрасов сказал, ну сейчас тебе Толик позвонит. Перезвонил Крупнов весь возмущенный. Мол, чего ты тут «мутиловки разводишь»? Я сказал ему, давай сначала решим наш вопрос. Ах, вот так, сказал Толик, ну и ладно тогда! Ну ладно и ладно, и все, так вот и закончился разговор.

Потом прошло какое-то время, уже был состав с Варшавчиком и Митрофановым. Мы с приятелем заехали в клуб, где они выступали. Увидел нас Толик и сказал в микрофон, что очень рад видеть кое-каких людей в зале. Я был тогда еще немного зол на Юрасова, потому что он занял какую-то свою позицию, хотя как директор мог уладить конфликт. Потом ко мне подошел Морозов и предложил зайти в гримерку. Я отказался, потому что не хотел видеть ни Алину, ни Юрасова, хотя с Толиком я бы пообщался.

Больше ты Крупнова не видел?

Видел. Я устроился к Юрию Соколову техником в «ДК МАИ». То есть, они репетировали, а мы таскали звук. Издалека я его видел. Я немного общался с Митрофановым, а с Толиком нет.

Ты вообще воспринимал этот состав «Обелиска»?

Я понимал, что это трио, так называемый «Черный Обелиск», ненадолго. Когда в 96-м году начали происходить все эти неприятные вещи с Толиком, то все прекрасно понимали, что вопрос его смерти это вопрос времени. Думаю, что и Крупский это сам прекрасно понимал.

А как же дальнейшие планы, смысл? Вроде, все на долгую перспективу строили планы.

Да вот так. Люди вокруг него - да. Хотели работать на перспективу, а что сам Толик об этом думал, не знаю. Ну, человек же не собирался умирать прямо сейчас. Когда это еще произойдет... Так он и говорил примерно. Какие-то цыганки ему что-то нагадали. Я как-то поначалу со смехом к этому всему относился, но тут даже к бабке не ходи, если вести такой образ жизни.

Ему нравилось так жить?

Ему нравился этот образ жизни, и по-другому он не мог. А когда начались еще и наркотики, ну тут уж совсем все шло на дни и часы.

А в чем же причина такого отношения к жизни? Я и Юрасова спрашивал. Вроде у человека все есть, и альбомы выпустил, и успех с «Неприкасаемыми». Вот, что человеку еще для счастья надо, казалось бы.

В «Неприкасаемых», в итоге, все превратилось в Сукачевский ансамбль, хотя изначально не совсем так задумывалось. Для самореализации там места не было. С «Обелиском», опять же, не совсем то, что он хотел. Да, была какая-то свежая струя, но это не та уже команда была, что раньше.

Новых песен они еще не играли, а старые вещи звучали совсем по-другому.

Да, “лайтово”, не очень убедительно. Понятно, что тут надо начинать с нуля. Та публика, которая была, так её уже не было.

То есть аудитория отвернулась от Толика?

Когда в 91-м году вышел «Ещё один день», это было как плевок в лицо металлистам. Они его напрочь не приняли.

И так с каждым альбомом получался очередной плевок?

По сути да. Публика не набиралась.

Но появлялась какая-то другая публика?

Другая публика появлялась, но не успевала нарасти. И плюс спад интереса к такой музыке в целом. В общем БЕСПЕРСПЕКТИВНЯК во всем. Что касается личной жизни, что касается музыкальной. Что касается денег, долги и так далее.

Говорят, что еще гламурная тусовка его жены Алины тоже повлияла. Это правда?

Да, потому что Толику у нас могли сказать: Толик, ты ох...л. А там с ним соглашались и потакали его слабым сторонам. И с Митрофановым они по алкоголю сильно “нарезали”, а привело это все, в итоге, к героину.

В итоге ты ушел и где-то играл?

Я не играл нигде. Я репетировал с Костей из бывшей группы «Тризна», чтобы не потерять форму. Потом вкалывал год у Соколова, как раз были выборы Ельцина. Понимал, что “жопа” будет еще долго.

Ты ждал звонка от Крупского, что он рано или поздно тебя позовет?

Подсознательно, да. Для меня было неожиданностью, что он умер, хотя я знал, что так будет.

Помнишь этот день?

Позвонил мне кто-то, не помню уже, кто, и вот это чувство недосказанности было самым обидным. Что, эх... не успел.

И как ты отреагировал, присел, налил «стопарь» водки?

Да я не пил тогда совсем, практически, да уж глядя на Толика.

А ты вспоминал кадры из жизни вашего общения за четыре года?

Естественно. Было обидно, что было такое дело, какая-то величина, а потом раз - и нет человека. Много переосмысливаешь. А тем более работа в прокате мозги прочищает очень здорово. Всё равно было сильное чувство жалости. Сейчас, я думаю, что виноваты были все в том развале. Все, кто принимал в этом участие, в той или иной степени. Отношения вещь тяжёлая, когда слишком много народу участвует, трудно договариваться, ведь у всех свои интересы. Тем более, когда всё идёт не на подъём, а наоборот.

Прошло два года. Ты поиграл в «Тризне».

Да, раза два мне звонил то Вова, то Миша Светлов. Подбивали меня, давай вместе поиграем.

Речь шла о том, чтобы возродить «Обелиск»?

Нет, просто предлагали поиграть вместе. Вова он такой молодец, энтузиаст.

Ты был на похоронах Толика? Помирился ли ты с Алиной?

У меня особой неприязни-то к ней не было никогда, просто она у меня вызывала противоречивое чувство. Это выбор Толика. Я просто, может, был несогласен с некоторыми её жизненными позициями.

С Юрасовым ты восстановил нормальные отношения?

Время лечит всё, как говорится. Я вообще стараюсь ни на кого не держать зла. Да что нам с ним делить? У нас большое, хорошее прошлое.

Часто ли ты вспоминаешь Толика?

Часто.

Не снится?

Мне нет. Хотя были интересные моменты. Он приснился жене барабанщика нашего, Макса.

Она с ним знакома?

Нет, но когда он ей приснился, она потом попросила фотографию его показать и была очень удивлена. Сон был страшный, рассказывать не хочу. Надо было мне поехать в церковь поставить за Толика свечу, я так и не сделал этого, к сожалению.

На кладбище ездешь?

На кладбище не езжу, не могу.

Рано или поздно мы все окажемся на том свете, если встретишь Крупнова, что ты ему скажешь?

Толик, прости.